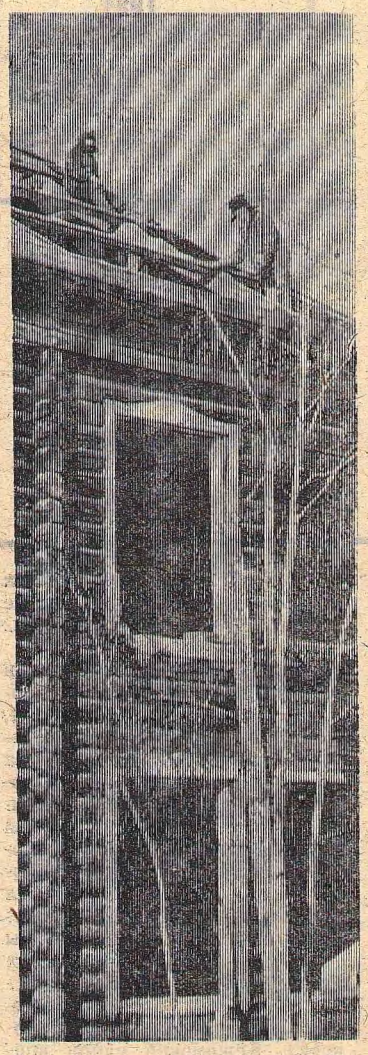
НАШЕ СОЦИАЛЬНОЕ САМОЧУВСТВИЕ

ДОЖИВЕТ ЛИ КЕЖМА ДО 2000-го ГОДА?

Когда приезжаю в Кежму, а случается это два-три раза в год, то с трудом узнаю село. Так и теперь, вновь шагая по центральной улице, глядя по сторонам, не могу вспомнить: что здесь было раньше! Тут и там обгорелые останки зданий, руины, упавшие столбы, сломанные тротуары... В голову приходит мысль о том, что здесь запросто можно снимать фильмы о войне, не создавая декораций.



СТАРИННОЕ село, которому в следующем году исполнится 350 лет, катастрофически быстро приходит в упадок. Разбираются или сгорают по разным причинам самые лучшие, самые крепкие здания, которыми можно было по праву гордиться. Странно было слышать от местных жителей о том, что в Кежме, которая еще каких-нибудь пять лет назад имела статус районного центра, не функционирует ни один клуб, ни одна общественная столовая... А ведь здесь проживает ни много ни мало — около четырех тысяч человек.

Впрочем, население, хоть и не быстро, но уверенно уменьшается, как и количество предприятий и организаций. Вот, например, еще одно предприятие — РТП — покинуло Кежму, переехало в г. Кодинск. Могив переселения все тот же — в связи со строительством Богучанской ГЭС и предстоящим затоплением.

Кежемский аэропорт — «ворота» во всю верхнюю часть района. Когда-то здесь принимали четырехмоторные самолеты, а сегодня на летном поле не видно даже «аннушек». На выпавшем снегу не заметно следов, ведущих к зданию аэровокзала. Два этажа его, говорят, пустуют, и лишь на верхнем трудятся диспетчеры. Зал ожидания и кассы расположены в соседнем здании, поменьше. Хотел купить обратный билет до Кодинска на субботу, но услышал: «В выходные дни туда рейсов нет». Пришлось брать на пятницу.

Самым «боеспособным» предприятием является сегодня в селе, пожалуй, МПП ЖКХ. Но и здесь есть немало всевозможных проблем. «Трудно работать, но эту зиму продержимся», — заверил меня главный инженер С. А. Рукосуев, подкрепив рассказ цифрами.

В очень трудной ситуации находится В.-Ангарский химлесхоз, прежде считавшийся крупнейшим в районе. АО «Кежмалес», управленческий аппарат которого ныне располагается в здании конторы названного выше химлесхоза, темпы работы также не нарастило, а его руководство занимается сейчас вплотную проработкой, совместно с инвесторами, сразу нескольких программ дальнейшего развития.

По дороге заглянул в контору райсевернотребсоюза, находящуюся в здании, где ранее располагались редакция и типография районной газеты. Деятельность кооператоров идет к сворачиванию. Как я понял из разговора с председателем РСПС В. М. Глызиным, скоро аппарат управления отсюда переселится, так как невыгодно содержать здесь котельную и отапливать помещение.

В магазинах Кежмы товары есть, но цены в среднем выше городских.

Не дает замерзнуть жителям села в эти студеные дни райтопсбыт — понемногу снабжает дровами, работает. А вот звероферма, как мне сказали, уже закончила свое существование — поголовье чернобурых лис пошло под нож.

Сиротливо маячит возле средней школы так и недостроенная пристройка. Не удалось до холодов ввести ее в эксплуатацию. Говара школьной столовой не дали мне умереть с голоду — накормили лапшой и чаем — другого ничего не было.

ЗА ВРЕМЯ командировки кежмари не раз обращались ко мне с вопросами и жалобами. Так, в здании администрации села подошел инвалид и сказал, что в связи с распадом совхоза «Кежемский» и исчезновением его директора он ни с кого не может получить причитающиеся ему полтора миллиона рублей. Как быть? Ситуация не нова: такое было и в Пановской, и в Кежемской мехколоннах. Единственное, что я мог — посоветовал уже немолодому человеку обратиться в прокуратуру и в суд.

Другой ветеран труда, встретившийся на улице, поделился такой сердечной болью:

— Даже тем, у кого в РТП небольшой стаж, квартиры дали в городе, а обо мне, столько лет проработавшем комбайнером, никто и не вспоминает.

Понять его, конечно, можно, а вот как помочь? Строительство жилья в Кодинске приостановлено, очередь, составленная советом ветеранов села, практически не движется.

В больнице меня ждало очередное неприятное известие: вторую неделю в морге лежит «бездомный» покойник — не на что похоронить, денег на погребение выделяется очень мало.

В больницу я пришел потому, что несколько человек пожаловались: не кормят в стационаре местных жителей, отправляют питаться домой. Здание амбулатории оказалось закрытым; в стороне, у теплых гаражей, на столбах работали электрики. «Заканчивают работы по подготовке к пуску собственной электростанции» — догадался я.

Главврача на месте не оказалось — был болен. Кладовщица О. В. Привалихина на мой вопрос о запасах продуктов ответила, что капуста, картофель имеются в достаточном количестве, до весны хватит.

Диетсестра Л. В. Кубышева пояснила, что в августе, в течение недели, в связи с трудным финансовым положением больным действительно предлагалось после получения процедур идти домой. Кто следовал этому совету, на того продукты не выписывались. Вот и сейчас в стационаре числится 44 человека, а в списке на питание — 35, т. к. девять решили есть дома.

Так честнее — не выписывать продукты на «мертвых душ», экономя при этом для стола тех же больных, чем получать на весь списочный состав и создавать неучтенные запасы продуктов, а значит, и предпосылки для их разбазаривания.

Как мне сказали, по приказу главврача района, теперь на трехразовое питание больного в стационаре отпускается в день 3250 рублей.

ВСТРЕТИЛСЯ я и с бывшим депутатом краевого Совета К. С. Бахаревой — думаю, представлять ее читателям «СП» излишне. Побеседовали.

— Плотина только на треть построена, а деревни уже на 70 процентов разграблены, — говорит с негодованием Клавдия Степановна. — Люди хоть сейчас готовы убежать отсюда от такой жизни, вот только куда? Кто из зоны затопления переезжает в населенные пункты района, получает компенсацию за свой дом, и дорогу ему оплачивают, и квартиру предоставляют, а если за пределы района, то никакого тебе жилья. Ну почему так? Энергетики ангарцев выгоняют своей стройкой с родных мест, они и должны дать им возможность получить жилье, где хотят... Люди говорят: «Пусть нам выплатят стоимость полагающихся в городе квартир, и мы отсюда уедем, не претендуя на жилье». Но не выплачивают.

Комитет спасения Ангары, в который входит К. С. Бахарева, недавно подготовил письмо, на этот раз президенту России, в котором просит дать указания проверить, куда идут деньги, выделяемые на ГЭС, сделать заказ на расчеты нулевого варианта плотины и на строительство ЛЭП от имеющихся на Ангаре электростанций до поселков района, не рассматривать судьбу ГЭС без выводов государственной экспертизы...

Сегодня многим ясно стало: комитет свою основную задачу выполнил, подняв на ноги и прокуратуру края, и Министерство по экологии и природным ресурсам РФ, другие влиятельные органы. Поэтому я не удивлюсь, если завтра в Москве будет принято решение о прекращении строительства Богучанской ГЭС. Только будет ли лучше от этого всем нам, особенно людям, проживающим в зоне затопления? Ведь действительно деревни разрушены до основания. Даже электроэнергия, и то не всегда бывает. Например, в день моего приезда ветер повалил в Кежме несколько столбов и вечер пришлось коротать без света.

СТРАШНО то, что села продолжают разрушаться. На моих глазах по поручению администрации Кежмы ранним морозным утром разбиралось здание бывшей начальной школы. На мой вопрос «Почему?» зам. главы администрации В. И. Козарь пояснил:

— В свое время здание это купил фермер А. А. Вологжин, но не переоборудовал его для своих нужд, как хотел, а в ответ на наши надоедливые нарекания в конце концов заявил: «Делайте с ним что хотите». Решили, что нужно здание сломать. Вынуждены мы начать разбирать и многие другие, крепкие еще, здания: райвоенкомата, нарсуда и другие. Причина одна — пожары, горим синим пламенем. К каждому нежилому дому сторожа не поставишь, а в них тем временем курочат все, выбивают стекла, а потом здания загораются. Клуб горел — еле отстояли стоящие рядом строения. Прежнее здание райфинотдела вспыхнуло, а рядом сгорел жилой дом. Было это летом, а вот только несколько дней назад я подыскал для погорельца квартиру...

— Пробовали продавать здания или сдавать в аренду?

— Конечно. Только никто не берет. Вот и приходится из последних средств нанимать людей, ломать, хотя, может, лучше было бы купить на эти деньги лишнюю машину дров какой-нибудь старушке-вдове.

Сносятся не только дома. Не так давно вот трибуну разворотили и по досточкам растащили. «А зачем она вообще-то нужна?» — спрашивает Виктор Иванович.

Обстоятельства таковы, что пуск первых агрегатов Богучанской ГЭС, если он состоится вообще, будет где-то в 2010-м году. При этом, из-за низкой отметки подпорного уровня, не будет затоплена ни Недокура, ни Кежма. Потом умные головы будут решать: достраивать плотину или присваивать станции статус районной? Да только вот к тому времени Кежмы уже, наверное, не будет. Судя по темпам уничтожения старинного села, оно исчезнет с карты района даже раньше — к третьему тысячелетию. Если не случится нечто сверхординарное, в чем я очень сомневаюсь. Все мы сегодня — заложники прежней политики, проводимой партией и государством.

ВЕЧЕРОМ, в девятом часу, возвращался я в «заежку» почти в полной темноте, «наощупь», сквозь метель по центральной улице. Где-то вдали еле пробивался свет фонаря. Ни шума машин, ни лая собак. И вдруг со стороны Ангары послышался звук лодочного мотора. Это было так неожиданно, что я опешил; шуга шла уже по реке вовсю. Лодка, натыкаясь на льдину, глухо скрежетала, «Вихрь» взвизгивал, но продолжал свое дело в кромешной тьме. Как запоздалый рыбак ориентируется — оставалось полной загадкой.

И я подумал, сравнивая одинокую лодку на ночной реке с Кежмой, державшейся еще «на плаву» в незаполненном пока ложе водохранилища: «Опасное плавание».

В. ЗЫКОВ.

На снимках: все, что осталось от сгоревшего клуба; здесь когда-то был райфинотдел; на одной из улиц; разбирается здание бывшей начальной школы.

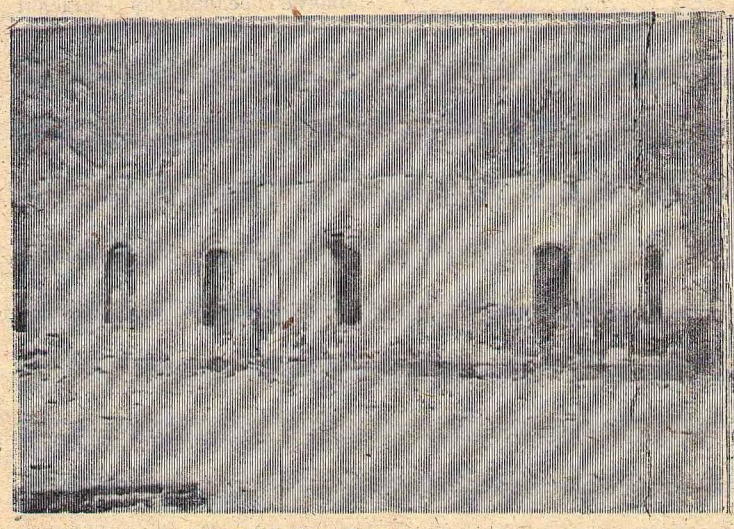
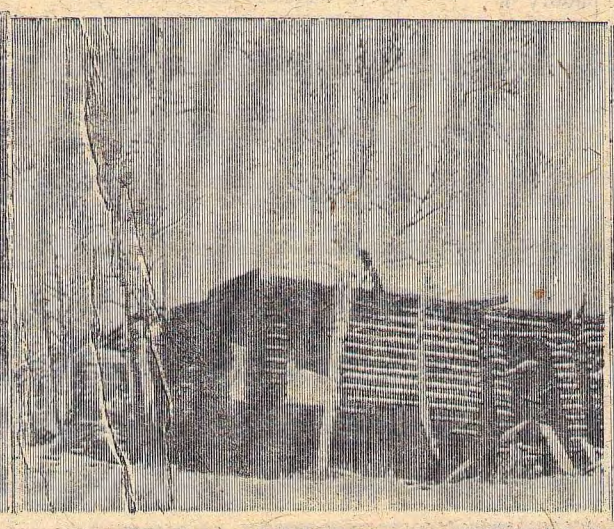



Фото автора.